

ПРОБЛЕМА «ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ» В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

Л. Ю. Масловская

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

e-mail: LSlabko@yandex.ru

В статье рассматривается «языковая игра» как понятие современного философского дискурса. Описывается феномен «языковой игры» как не просто понятия, фиксирующего определённые реалии, но и постоянно работающего принципа уяснения всё новых практик людей вкупе с их речевым, коммуникативным оснащением.

Ключевые слова: язык; языковая игра; теория; проблема; поведение людей; метод; логические средства.

THE PROBLEM OF «LANGUAGE GAME» IN L. WITTGENSTEIN'S PHILOSOPHICAL CONCEPT

L. Y. Maslovskaya

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: LSlabko@yandex.ru

The article considers the term *language game* as a concept of modern philosophical discourse. The phenomenon of *language game* is described as not just a concept that captures certain realities, but also a constantly working principle of understanding all new practices of people, coupled with their speech and communication equipment.

Keywords: language; language game; theory; problem; people's behavior; technique; logical means.

В современном обществе крайне важно, чтобы мы все говорили «на одном языке», смыслы не искажались, а недоразумений было меньше, поэтому ключ к эффективной коммуникации, возможно, стоит искать, обратившись к философским трудам предыдущих столетий. В связи с этим представляется разумным сконцентрировать внимание на интеллектуальном наследии Л. Витгенштейна, разработавшего универсальные логико-грамматические обоснования для устранения концептуальных затруднений в познании окружающего мира и описании его точными средствами языка.

Австрийско-британский философ Людвиг Йозеф Иоганн Витгенштейн (1889–1951) по праву считается одним из выдающихся философов XX в. Его наследие в области философии языка, логики и математики, а также философии разума оказало огромное влияние на всю последующую европейскую философию и науку в целом. Более того,

благодаря двум концепциям философии языка можно с уверенностью утверждать, что Людвиг Витгенштейн занял в истории науки особое место. Первая была вдохновлена новыми для своего времени идеями и методами формализованного логического анализа языка в работах Г. Фреге и Б. Рассела, вторая – поиском приемов прояснения концептуальных проблем философии средствами естественного языка в его деятельности, работе («языковых играх»). Эти программы стимулировали развитие двух разных школ, ветвей аналитической философии, во многом наследующей идеал логической корректности и смысловой ясности мысли, присущий классическому рационализму. Необходимо обратить внимание на то, что хотя две концепции Витгенштейна не схожи, а по ряду позиций и противоположны, у них один лейтмотив – языковой подход философии.

Философские концепции Людвиг Витгенштейна до сих пор остаются актуальными и продолжают оказывать влияние на различные области научного знания, такие как философия, логика, психология, культура.

Образ языка в поздней концепции Витгенштейна во многих отношениях отличается от образа в ранней. Образ языка, нарисованный в «Логико-философском трактате», и метод логического анализа высказываний становятся для Витгенштейна излюбленными объектами критики. У позднего Витгенштейна не может быть и речи о теории, описывающей мир [1, с. 104].

Однако многие характерные черты мировоззрения Витгенштейна не изменились. Он обращался к языку с той же целью – построить методологический аппарат, позволяющий добиваться прояснения философских проблем, результатом чего должно быть их снятие. В «Философских исследованиях» Л. Витгенштейн приводит свои размышления на тему грамматики: «Сколько же существует типов предложения? Скажем, утверждение, вопрос, повеление?»

Новая установка Витгенштейна заключалась в том, чтобы взглянуть и понять, как на самом деле работает язык, каковы реальные функции предложений и прочих языковых форм не в *теории*, а в *практическом* мышлении и *поведении* людей [2, с. 7].

Новый метод анализа, отличающийся от предложенного в «Трактате», не связан с использованием логических средств; не предполагает, что процедура анализа однозначна и конечна; не допускает абсолютно простых единиц смысла. Теперь Витгенштейн убеждён, что процедура анализа языкового выражения меняет его смысл. Витгенштейн демонстрирует это ироничным примером. Метла есть комплекс, состоящий из ручки и щётки. Но если проанализировать предложение о метле, разло-

жив его на более простые части, обозначающие ручку и щётку, то его смысл изменится. Это видно хотя бы из того, что типичная реакция на предложение «Принеси мне метлу!» – это выполнение просьбы, а на предложение «Принеси мне ручку и щетку, которая к ней прикреплена!» – выражение удивления: «Тебе нужна метла? А почему ты так странно выражаешься?» [1, с. 106].

Новый метод заключается в показе известных всем, но выпавших из поля внимания фактов различных использований языковых выражений [1, с. 101]. Метод состоит в описании различных случаев употребления обсуждаемого выражения. При этом не вскрывается никаких скрытых сущностей. Рассуждения Витгенштейна о языке призваны показать, что мы, носители языка, умеющие пользоваться им, знаем о языке. Высказываются только такие вещи, о которых каждый готов сказать, а высказываются эти вещи с целью показа узости, беспочвенности некоторых философских доктрин. Фактически речь у Витгенштейна идёт о базисных предпосылках европейской философии Нового времени, её метафизике, теории познания, учении о сознании [1, с. 102]. Витгенштейн стремился показать неудовлетворённость признаваемых философами трактовок языка.

Для критики философских трактовок языка Витгенштейн развил особый методологический прием, состоящий в рассмотрении (реальных или воображаемых) фрагментов языковой деятельности, что гораздо проще, чем рассмотрение языка в целом. Простота этих фрагментов способствует более выпуклому показу тех черт языка, на которые нужно обратить внимание. Такие примитивные использования языка, отмечает Витгенштейн, подобны тем, на которых дети учатся говорить. В рассуждении, повествовании, чтении, письме и иных формах речевого разумения высвечивались «семейства» более или менее родственных друг другу, подвижных и живых функциональных систем, практик [2, с. 7]. Витгенштейн называет их *языковыми играми*. Обращение к языковым играм помогает рассеять туман, которым философия окружает понятие «значения» [1, с. 103].

Живой, работающий язык необычайно сложен, включает в себя как бы множество взаимосвязанных «игр». Выявляя их типы в естественном языке (или придумывая их искусственные аналоги), Витгенштейн как бы «сканирует» речевую практику, аналитически разграничивает её компоненты, аспекты, уровни. Прежде всего он выделяет *элементарные функции языка* и варьирует их сочетания. Предполагается, что исходные речевые модели абстрагируются от естественного языка за счёт его упрощения, возврата слов, фраз на ту реальную жизненную почву, где они обрели свои начальные значения. Над простейшими постепенно

надстраиваются всё новые, более сложные *игры*. Так воссоздаётся «лессенка» усложнений языка, моделируется нарастание его возможностей [2, с. 10].

Языковая игра, описанная Витгенштейном, демонстрирует функционирование слов, принадлежащих разным категориям и по-разному соотносящихся с тем, что ими обозначается. У Витгенштейна отношение между знаком и обозначаемым не является единообразным для различных обозначающих выражений. Нельзя выделить для каждого языкового выражения, при любом виде употребления, определенный (реальный или идеальный) объект (или множество объектов), являющийся значением этого выражения. Тем более нельзя рассматривать связь обозначающего выражения и его значения как особую объективную связь, которая соединяет их независимо от употребляющих язык людей и диктует людям, как они должны использовать это выражение.

Существуют различные типы языковой деятельности, в которых слова имеют разные функции и по-разному относятся к реальности. Среди разнообразия языков и видов использования слов нет такой привилегированной канонической формы, к которой должно сводиться всё наблюдаемое разнообразие. Каждая форма заслуживает самостоятельного описания и изучения. Нельзя объявлять какую-то одну из них выражением сущности языка. По мнению Витгенштейна имеется бесчисленное множество видов бесконечно разнообразных типов употребления всего того, что мы называем «знаками», «словами», «предложениями». И это многообразие не является чем-то фиксированным, данным раз и навсегда; напротив, возникают новые типы языка, или, как мы могли бы сказать, новые языковые игры, в то время как другие языковые игры устаревают и забываются.

Своим утверждением несводимого разнообразия видов употребления языка Витгенштейн отмечает также и идею «базисного» уровня значений, и идею редукции всех прочих видов значений к этому базисному [1, с. 105].

Витгенштейн отмечал, что значение, есть употребление. Недостаточно овладеть звукосочетанием, называть предмет с помощью наглядности. Чтобы понять имя предмета, надо овладеть языком и усвоить, какое место среди других выражений занимает употребление именующих выражений [1, с. 107].

Отличительной чертой *языковых игр* является нерасторжимое единство языка, его употребления и определенной деятельности, причем образцы и нормы языкового поведения неотделимы от образцов и норм конкретного вида деятельности. «Это целое, состоящее из языка и действий, с которыми он связан, я буду называть также языковой игрой» [3,

с. 85]. Объясняя происхождение этого термина, Витгенштейн ссылается на те игры, в которых ребенок обучается значениям слов. Для овладения языком ребенку нужна игра, т.е. деятельность, в которой осуществляется манипулирование со словом по строго определенным правилам. Значение слова можно выучить лишь в контексте определенной деятельности – таков смысл, вкладываемый Витгенштейном в термин *языковая игра*.

В *языковых играх* как мысленном экспериментировании, проигрывании речевых вариаций, отчётливо выступает та особенность рассматриваемого метода, что он позволяет искусственно придумывать неограниченное многообразие случаев, оттеняя любую ненужную для исследователя сторону дела, в том числе улавливать нюансы (“тонкие оттенки поведения”, как их называет Витгенштейн). Возможности свободных вариаций здесь не ограничены, как и при изобретении игр в собственном смысле слова. Не только в играх как таковых, но и в *играх* языковых применяется множество условных «подстановок» – принятие одного за другое, приписывание людям или предметам самых разных ролей по условным правилам, изменение смысловой нагрузки форм поведения, жестов, фраз [1, с. 17].

Введенный Витгенштейном термин *языковая игра* со временем получил широкую известность в философии и других науках. В отечественной литературе развернутый анализ *языковых игр* дан в исследованиях М. С. Козловой, З. А. Сокулер, Б. Ю. Нормана и др.

По заключению Витгенштейна собственно классическими методами анализа языка и классическими средствами семиотики не представляется возможным проанализировать выражения языка.

Языковые игры, одно из двух центральных понятий книги, трактуется широко, прихотливо и, в постмодернистском стиле, несколько свысока по отношению к «предмету мысли» – общению людей. К языковым играм Витгенштейн относит не только все виды речевой деятельности, но и ряд других интеллектуальных занятий, включая такие, в которых необязателен адресат или партнёр, например, «создавать объект по описанию (чертежу)», «решать арифметическую задачу», «представлять результаты эксперимента в таблицах и схемах»; некоторые «игры» связаны с воспроизведением чужих готовых текстов («играть на сцене», «петь хороводные песни»). Трактовка любых видов интеллектуально-речевой деятельности как игры, противоречит двум релевантным признакам игры, но зато хорошо подчёркивает три другие важные черты речевого общения: 1) общение как игра, не бывает без партнёров; между ними происходит соревновательное взаимодействие; цели партнёров в той или иной мере различны; 2) общение, как и любая игра протекает

по определённым правилам, связанным с устройством кода (произношение, грамматика, словарь, правила сочетания лексем); 3) в общении, как и в игре, есть правила-конвенции (договорённости, условности), выработанные коммуникативной практикой (например, вежливое обращение к одному человеку «на Вы»; вежливое побуждение в форме вопроса: *Не могли бы вы закрыть окно?*; речевой этикет). Через несколько лет эти идеи Витгенштейна будут развиты в теории речевых актов – прежде всего в гарвардских лекциях и книгах Джона Остина [1, с. 110].

Языковые игры знакомы каждому носителю языка с колыбели и занимают значительное место в повседневном опыте человека на протяжении всей его жизни. Главным пространством бытования *языковой игры* остаётся повседневная речь, что не исключает возможности попадания удачных продуктов *языковой игры* в язык, особенно в его словарный фонд, стать общим достоянием носителей языка и на какое-то время задержаться в языке. *Языковая игра* не может быть релевантным признаком стиля или жанра – она в равной степени присуща устным разговорным стилям речи, включая жаргоны и аргю, и образцам изысканной авторской прозы. Она может иметь комический эффект, но может и не иметь такового. Она может иметь случайный единичный характер, но может приобрести характер регулярно используемых игровых речевых кодов, сформировавшихся в таковые в результате длительного применения в речевой практике народа. *Языковая игра* потенциально возможна везде, где есть речь. Если учесть, что язык служит для реализации определенного набора функций [4, с. 14–27], то *языковую игру* можно выделить в особую игровую функцию языка, для реализации которой, могут быть задействованы языковые ресурсы всех уровней.

Таким образом, в своей поздней концепции Витгенштейн обращается к языку и логике обыденного общения. *Языковые игры* трактуются прихотливо, в постмодернистском стиле. Интерес к *игре слов* или *языковым играм* стал набирать обороты уже после смерти философа. У его концепции появилась масса сторонников. До сих пор феномен *языковой игры* пользуется популярностью у философов и лингвистов. Попытки уточнить понятие *языковая игра* делают концепцию философии Витгенштейна актуальной для широкого круга современных исследователей. Несмотря на большое количество исследований *языковой игры*, термин «языковая игра» до сих пор нуждается в уточнении. В подавляющем большинстве случаев *языковую игру* необоснованно соотносят с эстетической (поэтической) функцией языка. В результате анализа словарей новых слов английского и русского языков, а также справочной литературы по новой лексике, мы приходим к выводу о том, что

языковая игра в большей или меньшей степени присуща речи всех носителей языка, т.е. является неотъемлемым атрибутом общего коммуникативного пространства. Соответственно языковая игра должна быть выделена наравне с другими функциями в особую «игровую» функцию языка.

Библиографические ссылки

1. Сокулер З. А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX в.: Курс лекций. Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1994. 173 с.
2. Козлова М. С. Философия идеи Людвига Витгенштейна. М., 1996. 169 с.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования. Пер. с нем. яз. С. А. Крылова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 79 – 128.
4. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. 2-е изд., испр. М.: Аспект-Пресс, 2000. 207 с.